

Диаспоры, гражданское общество, государство

А. Вишневский

Проблема диаспор имеет значение для России с двух точек зрения:

А) После распада СССР за пределами России оказалось большое количество этнических русских, людей русской культуры, представителей других народов России и их культур, которых иногда рассматривают как «соотечественников», находящихся в рассеянии и образующих соответствующие диаспоры в других странах;

Б) В России живет довольно большое количество выходцев из зарубежных стран и представителей нетрадиционных для России культур, что отчасти унаследовано от СССР, а сейчас все в большей мере становится следствием иммиграции, значение которой будет увеличиваться; это дает основание говорить о зарубежных диаспорах в России.

И в том, и в другом случаях возникает вопрос о том, какими должны быть отношения институтов российского гражданского общества и Российского государства с диаспорами обоих видов: во всех ли случаях правомерно говорить о диаспорах? следует ли стремиться к увековечиванию диаспор или, напротив, к их постепенному исчезновению? каковы функции диаспор? каковы механизмы их взаимодействия с гражданским обществом и государством? и. т.п

«Соотечественники» за рубежом

После распада СССР за рубежами Российской Федерации осталось 25 млн. этнических русских и свыше 11 млн. нерусского русскоязычного населения (назвавших при переписи населения 1989 г. русский своим родным языком) – см. табл. 1. По национальному составу среди нерусского русскоговорящего населения почти 52% приходилось на украинцев, а вместе с белорусами они составляли 70,4%, затем шли евреи, немцы, татары, поляки и армяне, на всех же остальных (никто из них в отдельности не достигал барьера 1,5%) приходилось 12% всех живущих за пределами России русскоязычных. Кроме того, в бывших советских республиках оставалось не менее 1 млн. представителей коренных нерусских народов России, считающих родным язык своей национальности. К этой последней группе относились свыше 800 тыс. татар, около 80 тыс. башкир, десятки тысяч чувашей, мордвы, удмуртов, мари и т. д. Таким образом, за пределами Российской Федерации оказалось, примерно, 37-38 миллионов человек, которых в России иногда рассматривают как «соотечественников».

Таблица 1. Русское и русскоязычное население в бывших республиках СССР в 1989 г.

	Население тыс. человек	В том числе					
		Русские			Назвавшие родным языком русский		
		тыс. человек	в % к итогу	в % к населению республик	тыс. человек	в % к итогу	в % к населению республик
СССР	285742	145155		50,8	163578		57,2
Россия	147021	119865		81,5	127306		86,6
Другие республики	138720	25289	100	18,2	36271	100	26,1
в том числе:							
Армения	3304	51	0,2	1,6	66	0,2	2,0
Азербайджан	7021	391	1,5	5,6	528	1,5	7,5
Белоруссия	10151	1342	5,3	13,2	3243	8,9	31,9
Грузия	5400	341	1,3	6,3	479	1,3	8,9
Казахстан	16464	6227	24,6	37,8	7797	21,5	47,4
Киргизия	4257	916	3,6	21,5	1090	3,0	25,6
Латвия	2666	905	3,6	34,0	1122	3,1	42,1
Литва	3674	344	1,4	9,4	429	1,2	11,7
Молдавия	4335	562	2,2	13	1003	2,8	23,1
Таджикистан	5092	388	1,5	7,6	495	1,4	9,7
Туркменистан	3522	333	1,3	9,5	421	1,2	12,0
Узбекистан	19810	1653	6,5	8,3	2151	5,9	10,9
Украина	51452	11355	44,9	22,1	16898	46,6	32,8
Эстония	1565	474	1,9	30,3	544	1,5	34,8

За истекшее после 1989 г. время происходила довольно интенсивная миграция русских в Россию, которую можно интерпретировать как репатриацию. Она привела к перемещению в Россию примерно 3,5 млн. человек (табл. 2).

Таблица 2. Нетто-миграция русских из стран СНГ и Балтии, 1989-2004 гг. *

Страна	Численность русских, 1989, тыс. человек	Нетто-миграция русских за 1989-2004		
		тыс. человек	в % к итогу	в % к 1989
Азербайджан	392	196,5	5,7	50,1
Армения	52	34,5	1,0	66,3
Белоруссия	1342	8,9	0,3	0,7
Грузия	341	164,3	4,8	48,2
Киргизия	917	254,4	7,4	27,7
Латвия	906	96,6	2,8	10,7
Литва	344	46,8	1,4	13,6
Молдавия	562	69,2	2,0	12,4
Таджикистан	388	235,5	6,9	60,7
Туркмения	334	104	3,0	31,2
Узбекистан	1653	514	15,0	31,1
Украина	11356	354	10,3	3,1
Эстония	475	59,1	1,7	12,4
Казахстан	6228	1288,9	37,7	20,7
Всего	25290	3426,7	100	13,5

* По данным текущего учета

Кроме того, по-видимому, имели место процессы смены этнической самоидентификации в постсоветских странах. По данным переписей населения, проводившихся в этих странах около 2000 года, число русских в бывших республиках СССР сократилось, примерно, до 17 млн. (табл. 3).

Таблица 3. Численность русских в бывших республиках СССР по Всесоюзной переписи 1989 г. и национальным переписям раунда 2000 года, тыс. человек

	Всесоюзная перепись населения 1989 года	Национальные переписи раунда 2000 года	Год проведения национальной переписи
Азербайджан	392	142	1999
Армения	52	15	2001
Белоруссия	1342	1142	1999
Грузия	341	68	2002
Казахстан	6062	4480	1999
Киргизия	917	603	1999
Латвия	906	703	2000
Литва	344	220	2001
Молдавия	562	198	2004
Приднестровье		214	2004
Таджикистан	388	68	2000
Туркмения	334	299	1995
Узбекистан	1653	?	2000
Украина	11356	8334	2001
Эстония	475	351	2000
Всего	25124	16837,2*	

*Без Узбекистана

Сокращение несомненно коснулось и нерусского русскоязычного населения бывших советских республик, довольно большие группы его представителей из числа немцев, евреев, армян, корейцев, греков эмигрировали за рубеж, некоторая часть, вероятно, переехала в Россию. Достаточных данных для уточнения сделанной выше оценки нет, однако ясно, что речь может идти о некоторых коррективах, не изменяющих общего порядка величин.

Сокращалось и число живущих в бывших советских республиках представителей других народов России, хотя этот процесс наблюдался и ранее. Например, уже в 1980-е годы обнаружила тенденцию к некоторому ослаблению дисперсность расселения поволжских татар, которая до этого нарастала. Между 1959 и 1979 гг. доля татар, живущих вне России, выросла с 17,2 до 19,1%, а к 1989 г. сократилась до 16,9%. По-видимому, распад СССР значительно усилил эту тенденцию, миграционные потоки свидетельствуют о репатриации татар в Россию. В начале 1989 г. в республиках за пределами России проживало 1127 тыс. татар. За 1989-2004 гг. из России выбыло 103 тыс. татар, прибыло в Россию 363 тыс. Таким образом, чистая миграция татар в Россию составила 260 тыс. человек, или 23% общего числа поволжских татар, живших в 1989 г. за пределами Российской Федерации.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что число людей, живущих за пределами России, но могущих по тем или иным критериям рассматриваться как

«соотечественники» или как представители «российской диаспоры», заметно сократилось, но все еще остается весьма значительным. Однако сами эти критерии далеко не всегда выглядят достаточно убедительными, а правомерность использования в подобных случаях таких понятий, как «соотечественники» и «диаспора» может быть поставлена под сомнение.

Скажем, можно ли считать находящимися в рассеянии соотечественниками более 8 млн. граждан Украины, определивших себя при переписи населения 2001 года как «русские»? Едва ли. Как правило, они родились в этой стране, никуда не собираются из нее уезжать, осознают себя прежде всего жителями Украины. Тем более нельзя считать относящимися к российской диаспоре тех жителей Украины, которые, своим родным языком русский, идентифицируют себя как украинцы. Даже если все эти люди испытывают определенные трудности в связи с изменившимся статусом русского языка и русской культуры, они пытаются преодолеть эти трудности внутри страны, а не путем воссоединения с Россией. В мире полно случаев, когда жители разных стран разговаривают на одном языке, но не считают себе соотечественниками или членами диаспоры.

То же относится и к другим подобным ситуациям на постсоветском пространстве.

Можно согласиться с тем, что *бывшие* соотечественники, т.е. люди, имевшие в прошлом общее отечество – СССР или Российскую империю, а также их потомки в России, равно как и в других частях этого бывшего отечества, должны иметь определенные льготы, например, при приеме в российское гражданство. Более чем обосновано проведение Российским государством определенной культурной политики, направленной на поддержку и распространение русского языка и русской культуры, особенно в странах, где широко распространено русскоязычие. Разумно поддержание разного рода дружественных связей с живущими за рубежом людьми, имеющими российские корни.

Но взгляд на всех таких людей как на российскую диаспору, что предполагает заведомо более низкий уровень их интеграции в те общества, в которых они живут, по сравнению с другими гражданами соответствующих стран, едва ли продуктивен.

Иностранцы в России

Второй аспект проблемы диаспор, значение которого для России велико уже сейчас и несомненно будет нарастать, связан с изменившейся ролью миграции как фактора формирования населения России. Демографическая ситуация в стране такова, что остановить или хотя бы замедлить сокращение ее населения можно, только принимая значительное количество иммигрантов.

Это уже подтверждается опытом последнего времени. За 1992-2004 гг. население России сократилось на 5040 тыс. человек, а если бы не было компенсирующей миграции, сокращение составило бы 10254 тыс. Правда, пока постоянная иммиграция в Россию мало связана с проблемой зарубежных диаспор внутри страны. Подавляющая часть мигрантов прибыла из бывших республик СССР (число приехавших из других стран ничтожно мало – 50,5 тыс. человек), причем в основном, это была упоминавшаяся выше репатриация россиян, выехавших в прошлом в бывшие республики СССР или их потомков.

Однако ресурсы репатриационной миграции в Россию на постсоветском пространстве исчерпываются. Состав миграционных потоков неизбежно будет меняться, в них все больше будут вовлекаться представители коренных народов бывших республик, переживающих демографический взрыв, прежде всего стран Средней Азии и Азербайджана, но также и выходцы из развивающихся стран

«дальнего зарубежья». Сейчас это уже довольно сильно ощущается на временной трудовой миграции, в значительной степени нерегистрируемой («нелегальной»), из-за чего отсутствуют и надежные оценки ее масштабов.

По имеющимся оценкам, потребность в чистой миграции, компенсирующей естественную убыль населения России в ближайшие десятилетия, может составлять от 500 тыс. до 1 млн. человек в год, возможно, и больше. Даже частичное удовлетворение этой потребности приведет к появлению в России огромных масс выходцев из стран, далеких от нее по языку, культуре, политической или религиозной традиции, что будет означать формирование в стране соответствующих диаспор – азербайджанской, узбекской, китайской, вьетнамской, и т.п. Неизбежно приобретет актуальность и вопрос о том, как должны строиться отношения между этими диаспорами, Российским государством и институтами российского гражданского общества.

Чтобы ответить на это вопрос, надо понять различные смыслы, которые могут вкладываться в понятие «диаспора», и историческую эволюцию этих смыслов по мере изменения функций диаспор и объективных обстоятельств, в которых они существуют.

Долгое время диаспора была формой долговременного существования народа, живущего в рассеянии, стремящегося не смешаться с народами, среди которых он существует, любой ценой сохранить свою идентичность и надеющегося рано или поздно воссоединиться и восстановить свое единство и свою государственность. Подобные диаспоры (еврейская, армянская, греческая) были уникальным феноменом, редким в истории человечества.

В более близкие к нам времена появились формы рассеяния, которые встречаются намного чаще, но к ним понятие «диаспора» не применяется или применяется, скорее, в метафорическом смысле, который не предполагает замкнутости классических диаспор. Так «термин “диаспора” не употребляется, когда говорят о потомках британцев в Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, Зимбабве, Кении, Канаде или Соединенных Штатах. Не применяется он и к многочисленным немецким колониям в Центральной и Восточной Европе, на Волге, (все они прекратили существование после 1945 г.) или в некоторых странах Латинской Америки»¹. Еще один пример – украинцы в Канаде, к которым иногда применяют термин «диаспора», хотя это не предполагает их самоизоляции внутри канадского общества и т.п.

Новые и становящиеся все более типичными формы рассеяния порождены совсем иными обстоятельствами, нежели классические диаспоры, они возникают вследствие крупномасштабных добровольных миграций нового и новейшего времени. Нарастающая глобализация разрушает существовавшие прежде географические, политические, культурно-религиозные барьеры или, во всяком случае, нарушает их непроницаемость. По самым разным причинам люди покидают свою родину - малую или большую - и оказываются в рассеянии, и сейчас не так легко назвать народ, с которым этого не происходило бы.

Так возникают новые диаспоры, и опыт многих из них показывает, что для людей, оказавшихся в рассеянии, возможно не только коллективное сознание пребывания на чужой земле, которая противопоставляется утраченной собственной родине, но и альтернативное ему коллективное сознание обретения новой родины, когда рассеяние не ведет к классической «диаспоризации». Но если возможны две крайние ситуации, то возможно и даже неизбежно и существование большого количества переходных, промежуточных вариантов,

---

¹ Chaliand G., Rageau J.-P. The Penguin Atlas of Diasporas. Penguin Books, 1997, p. XIII.

«полудиаспор» с разной степенью идентификации себя со «своим» сообществом и с обществом страны-хозяина.

Появление большого количества подобных «полудиаспор», в том числе и в России, неизбежно, потому что «глобализация усилила практическую, экономическую и аффективную роль диаспор, показавших себя как в высшей степени адаптивная форма социальной организации»². В самом деле, для человека, вынужденно или добровольно покинувшего свою родину и оказавшегося в непривычной социокультурной среде, адаптация и укоренение в ней на какое-то время выходят на первый план. Это - непростой, часто очень болезненный процесс, и диаспора как раз и оказывается той институциональной формой, которая позволяет одновременно существовать в «двух средах» и тем облегчает адаптацию. В общем именно эту функцию на протяжении тысячелетий выполняли классические диаспоры, и их опыт придал феномену диаспоры характер чего-то вечного. Но сейчас жизнь сильно ускорилась, в силу чего роль и функции диаспор изменились. Современная диаспора становится *временным* прибежищем человека, рано или поздно он, его дети или, в крайнем случае, внуки должны сделать выбор и либо вернуться на родину, либо полностью раствориться в новой социокультурной среде.

Этот выбор часто оказывается очень нелегким, ибо его приходится делать на фоне глубокого кризиса традиционных принципов социальной интеграции, который можно назвать *кризисом этнокультурной идентичности*, или *кризисом этничности*. Модернизация необратимо разрушает средневековые, а может быть и более давние перегородки между этнорелигиозными и/или этнокультурными сообществами, обесценивает принципы их социальной интеграции и требует выработки каких-то новых принципов интеграции, имеющих неэтническую, гражданскую основу. Как это всегда бывает, старые принципы не уступают место без боя, и мир на долгое время превращается в арену противостояния двух идеологий и двух политических практик.

С одной стороны, это универсалистские и эгалитаристские идеи Просвещения и Французской революции, практика государств-наций, основанных на гражданских критериях национальной принадлежности, на «праве почвы» и т.д. С другой стороны, это отражающие восточноевропейскую реакцию на западноевропейское Просвещение гердеровские идеи непроницаемых перегородок между культурами, идеи изначальной принадлежности человека к закрытому сообществу, «права крови», этнических наций и соответственно практика более или менее «чистых» этнических государств, обособления этнических меньшинств, в предельных случаях - этнических чисток и т.п.

Идея «классической» диаспоры ближе к этому второму взгляду, ибо она предполагает бесконечно долгое сохранение верности религиозному и культурному наследию предков, защиту этнокультурных перегородок, несмотря ни на что. В той мере, в какой диаспора помогает выживанию и адаптации этнических меньшинств, оказавшихся в рассеянии, она функциональна, и это, казалось бы, подтверждает правоту всякого рода поборников «этнической чистоты» и т. п. Принадлежность к диаспоре кажется чем-то очень важным именно для меньшинств.

Давние споры возрождаются в новой форме, в дебатах по поводу «мультикультурализма» и т.п. На что следует ориентироваться в будущем? На сохранение культурного разнообразия, что означает превращение диаспор в важных социальных и политических игроков, их возрастающую институционализацию? Или на то, что рано или поздно рамки диаспоры

² Cohen R. Global diasporas. London, UCL Press, 1997, p. 176.

становятся тесными для многих ее членов, у них появляется стремление раствориться в «плавильном котле» многонациональных стран, ассимилироваться в среде этнокультурного большинства?

По-видимому, эти споры будут продолжаться - и не только в словесных дебатах ученых или политиков, но и в самой жизни. Многое зависит от конкретных обстоятельств, условий, соотношений и т.п. Но есть вопросы, по которым уже сейчас можно высказаться с полной определенностью.

Культурные различия между народами, между иммигрантами и местными жителями, конечно, существуют и способны порождать, а тем более, усиливать социальные конфликты, создавать угрозы безопасности государства и его граждан. Однако нет ничего более ошибочного, чем возобладавшая в последнее время тенденция к непомерному преувеличению этнической и религиозной детерминации культурных различий. У этих различий есть и другие, гораздо более важные на нынешнем этапе истории основания. Главнейшее из них – это фундаментальное различие городской и сельской культуры, их историческая неравноценность («город» вытесняет «село»). Центральная проблема адаптации иммигрантов в урбанизированных европейских странах, в том числе и в России, не в том, что приезжают люди с другим языком или с другой верой, а в том, что, в основном, это – малообразованные сельские жители, очень плохо знакомые с правилами игры современных городских обществ и неспособные играть по этим правилам. Это резко снижает их конкурентоспособность, предопределяет их место в самом низу социальной пирамиды и побуждает если не их самих, то их детей, стремящихся к повышению своего социального статуса, искать опоры в этнической и религиозной солидарности.

Если эта проблема осознана государством и гражданским обществом – и по сути, и по степени ее серьезности, - то их взаимодействие с диаспорами должно выстраиваться по линии социальной модернизации и преодоления тех фундаментальных культурных различий пришлого и местного населения, которые не имеют никакого отношения к собственно этнорелигиозным традициям, а вытекают из несовместимости принципов организации аграрных и индустриальных (постиндустриальных) обществ. Такие различия преодолеваются с помощью светского воспитания, образования, гражданской социализации, равного доступа ко всем видам профессиональной деятельности, равномерного расселения и пр. (Нечто подобное происходило в советское время, когда многие десятки миллионов вчерашних крестьян хлынули в города и были «переварены» ими – правда, не без больших издержек). В этом случае и сама диаспора становится структурным элементом современного общества, выполняющим свою адаптивную миссию «шлюза», обеспечивающего защищенный переход иммигранта из одного социально-культурного состояния в другое и его относительно безболезненное вхождение в принимающий социум.

Если же общество по экономическим, идеологическим или каким-либо иным причинам оказывается не готовым социально интегрировать мигрантов, не способным предложить им равные с местным населением права и возможности, то и государству не остается ничего иного, как опираться на древний принцип «разделяй и властвуй», подчеркивать непреодолимые различия «менталитетов» пришлого и местного населения и использовать диаспоры как своеобразные гетто, управляемые с помощью их конформистских и небескорыстных элит. Об институтах гражданского общества в этом случае говорить не приходится, они, в лучшем случае, находятся в колыбели.

В настоящее время события, к сожалению, развиваются, скорее, по второму сценарию. В российском обществе очень силен антииммигрантский дискурс с сильной ксенофобской подкладкой, причем в стороне от него не остаются даже

высокопоставленные официальные лица, а иногда и представители диаспор. К характерным чертам такого дискурса относятся преувеличение количества иммигрантов вообще и представителей отдельных народов в частности; преувеличение криминогенности иммигрантской среды; преувеличение экономического ущерба от иммиграции при недооценке ее экономического вклада; бездоказательные обвинения в вытеснении россиян с привлекательного для них рынка труда; необоснованные упреки в нежелании учить русский язык, усваивать русскую культуру и т.п.

Примерам подобного дискурса несть числа, причем он проникает повсеместно – от газет до учебников и не останавливается ни перед каким абсурдом. Вот пример подобного абсурда, заимствованный из книги, подготовленной в рамках программы Министерства образования РФ "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе".

«В современном мире территориальная экспансия обрела ползучий характер и осуществляется с использованием миграции». «Экспансионистский потенциал во многих регионах мира сохраняется, и убедительным примером этого является современная Турция... Географическая экспансия турок была остановлена..., и сейчас идеи экспансии ищут себе дорогу различными путями, если уж не магистральными, то даже и тропинками». «Ползучий характер современной территориальной экспансии проявляется в том, что государство поддерживает родственные себе находящиеся на чужой территории этнически-религиозные группы, всячески способствуя увеличению их численности и расширению занимаемой ими территории - **это тенденция к захвату части территории другой страны изнутри этой страны.** Применительно к туркам-месхетинцам расчет делается на занятие ими наиболее стратегически важных участков территории Краснодарского края (возле дорог, мостов, водохранилища), а также на значительно более высокие темпы их размножения, чем у местного населения» [население Краснодарского края – свыше 5,1 млн. человек, турок-месхетинцев в крае было около 13 тысяч].

С. БОНДЫРЕВА и Д. КОЛЕСОВ. Миграция (сущность и явление). М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 2004, с. 278-281.

Этот пример можно было бы воспринять как курьез, если бы он не свидетельствовал о весьма широкой распространенности тенденциозного искажения любой информации об иммиграции. Это очень хорошо видно, в частности, на типичном примере оценок масштабов азербайджанской иммиграции.

Еще в 2000 г. депутат Государственной Думы Д. Рогозин заявил в выступлении по телевидению, что «в Москве и Московской области проживает около 2 миллионов жителей Азербайджана» («Свобода слова» 25 марта 2002 г.). Примерно в то же время газета «Известия» сообщила, что «в Ставропольском крае на сегодняшний день численность [азербайджанской] диаспоры составляет порядка 50-60 тысяч человек, в Волгоградской области - до 80 тысяч, в Тюменской области - более 100 тысяч, в Свердловской - минимум 50 тысяч, в Ульяновской - 35 тысяч... Что касается остальных регионов России - азербайджанцы в большей или меньшей степени представлены практически во всех крупных регионах. Это и Новосибирская область, и Воронежская, Брянская, Белгородская, Рязанская, Липецкая, Пензенская, Иркутская области, и Хабаровский край, и Магаданская область...». («Известия», 28 марта 2002 г.). Если верить подобным оценкам, то в России в это время находилось порядка 2,5 млн. азербайджанцев. Происхождение этих оценок неизвестно, но не исключено, что к ним причастны и лидеры азербайджанской диаспоры. Как писала бакинская русскоязычная газета «Зеркало», «в России в настоящее время пребывают около 4 миллионов азербайджанцев, - об этом в частных беседах постоянно говорят лидеры наших

диаспор в России, но официально эти цифры не признаются: официальная версия признает только 1,5 миллиона наших сограждан, проживающих в РФ» («Зеркало» от 10 апреля 2004 г.). Для любого эксперта ясно, что для страны с населением в 8 млн. человек иметь 4 млн. или даже 2,5 млн. человек, живущих в России (а упоминается еще эмиграция и в другие страны), невозможно. Тем не менее, явно завышенные цифры всплывают снова и снова. Совсем недавно (20 февраля 2006 г.) в средствах массовой информации со ссылкой на высокопоставленного чиновника Федеральной миграционной службы прошла информация, согласно которой «ежегодно в Россию въезжают около 800 тысяч азербайджанцев. Из них право на легальное трудоустройство получают только 1%. Чем занимаются оставшиеся 792 тысячи человек, непонятно». Непонятно также, о чем идет речь в этой информации. Надо ли это понимать так, что каждый год в России добавляется 800 тысяч азербайджанцев? Тогда такая страна, как Азербайджан, должна была бы уже исчезнуть с географической карты. Или просто имеется в виду, что ежегодно регистрируется 800 тысяч пересечений российско-азербайджанской границы? Это очень разные вещи, причем вторая не имеет к иммиграции никакого отношения.

Только за последние два месяца – март и апрель 2006 г. – в средствах массовой информации были озвучены высказывания нескольких высокопоставленных чиновников Министерства внутренних дел и Федеральной миграционной службы, которые позволяют судить об информационном фоне, на котором стране приходится решать сложнейшие и приобретающие огромную важность вопросы привлечения и интеграции мигрантов.

«Первый замминистра МВД сказал, что национальной безопасности России угрожает создание криминальных национальных сообществ и появление в отдельных регионах моноэтнического бизнеса. ... За последние 10 лет в России в 2,5 раза выросло количество преступлений, совершенных иностранцами, причем 90% из них – это граждане стран СНГ. Нелегальных работников, по его словам, в России несколько миллионов человек, но сколько точно – никто достоверно не знает. Он также заметил, что «возникают национальные общины мигрантов, которые не ассимилируются, и есть примеры, когда эти общины начинают предъявлять свои не основанные на законе требования». Высокий милицейский чин отметил, что все это может привести к затяжной межэтнической напряженности в регионах.

Глава ФМС оказался еще более откровенен. По оценкам его службы, нелегальных мигрантов не менее 10 млн., что ежегодно наносит ущерб России в размере примерно 200 млрд. рублей. По его словам, грузинские иммигранты обеспечивают 20% ВВП Грузии, молдавские – все 30. А госбюджет Таджикистана, составляющий приблизительно 485 млн. долларов, в два раза перекрывается потоком денег из России в размере около 1 млрд. долларов, из которых не менее половины поступает в эту страну нелегально. («Независимая газета», 16 марта 2006 г.)

«По оценкам государственных структур в России сегодня находятся от 5 до 10 миллионов нелегальных мигрантов. Они приезжают в страну и привозят с собой не только трудовые руки, в которых страна нуждается, но и целый комплекс проблем. По предварительным оценкам, в России сегодня свыше 20 миллионов нелегальных мигрантов. По оценкам международной организации миграции – 15 миллионов. Мы занимаем второе место по количеству незаконных мигрантов после США. А может быть и даже первое займем... Эта масса людей, которые нигде не значатся – питательный бульон для разнообразных преступлений. Теневая экономика подпитывается оттуда. Люди, которые находятся здесь в бесправном положении, они маргинализируются, они становятся питательной средой для преступлений. Особую проблему представляют собой Сибирь и Дальний Восток. Количество нелегальных иммигрантов из Китая продолжает расти. Нет никаких специальных мероприятий со стороны китайского правительства. Идет стихийный процесс. Китайцы постепенно вытесняют из различных секторов экономики наших граждан. В конечном итоге

произойдет потеря суверенитета - без войны и без всяких усилий. (Радио «Маяк», 15 марта 2006 г.)

По данным Федеральной миграционной службы, большинство прибывающих в Россию иностранцев - граждане СНГ. В общем же ежегодно к нам приезжает 20 млн. иностранцев. Из этой армии половина (10 млн.) нелегально оседает в различных регионах страны. Но по преимуществу "пускают корни" в Приморье, Краснодаре, Санкт-Петербурге и Московском регионе - там, где есть более или менее оплачиваемая работа. («Мир новостей», 4 апреля 2006 г.).

Разумеется, многое из того, что говорится в приведенных выше информационных сообщениях, не лишено оснований, и те проблемы, которые в них упоминаются, действительно существуют. Но в том-то и беда, что люди, от которых само их должностное положение требует особой выверенности каждого слова, очень легко перемешивают правду с вымыслами. Ведь если бы и в самом деле было верно, что в России каждый год нелегально оседает 10 млн. иностранцев, то сегодня таким иностранцем был бы уже каждый третий, а то и второй житель России. Пока это все-таки не так. Примерно такая же цена и многим другим из цитированных выше утверждений.

Все это свидетельствует о том, что пока ни Российское государство, ни российское общество не нашли адекватного ответа на поставленные жизнью новые для России вопросы. В стране действительно формируются и будут расти зарубежные диаспоры, но, судя по всему, у власти пока нет ясного, четко структурированного представления об этом явлении, нет никакой стратегии конструктивного взаимодействия с диаспорами. Более того, власть, по-видимому, во многом разделяет массовые антииммиграционные предрассудки и подлаживается под них. Такая тактика может принести к некоторым сиюминутным выгодам, но в стратегическом плане – это путь к очень большим неприятностям.